

#### IV. ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

УДК 930.1

Р.Р. Гильминтинов

##### ПРОБЛЕМА ПАМЯТИ В РОМАНЕ «ДЕТИ ПОЛУНОЧИ» САЛМАНА РУШДИ

*Рассматривается память как способ преодоления кризисного состояния человека, находящегося в маргинальной позиции, а также пример текста, который создает непротиворечивый образ, сочетающий прошлое-историю и прошлое-память. Этим примером является роман «Дети полуночи» известного британского писателя индийского происхождения Салмана Рушди – яркое полотно мифов, памяти и истории Индии и Пакистана. В качестве методологической основы используются работы П. Нора, И.Е. Козновой и Б.В. Аверина.*

Ключевые слова: *память, история, С. Рушди.*

По мнению критиков, лучшим романом Рушди являются «Дети полуночи» (1981). За эту книгу автор получил премию «Букер букеров», то есть эта книга была признана лучшей за все время существования этой престижной премии в области литературы. Однако по-настоящему мировое имя Рушди принес роман «Сатанинские стихи», за который иранский аятолла Хомейни объявил писателю фетву, а за его голову сразу несколькими исламистскими фондами была объявлена награда.

Рушди повезло родиться в особое время и в особом месте. Он появился на свет 19 июня 1947 г., практически одновременно с независимой Индией и тут же был подхвачен бурным течением ее истории. Его зажиточная мусульманская семья родом из Кашмира, но Салман Рушди родился и вырос в Бомбее, городе особенном, своего рода Вавилоне, где смешались «дванадцать языков». Здесь звучат не только все наречия Субконтинента, но языки далеких стран, которые все концентрируются в призрачном «ангрезии», «индийском английском». Он своего рода нерукотворный памятник колониальной эпохе истории Индии. «Я вырос в городе, где открытость и толерантность были нормой, где главенствовало ощущение свободы, которую я всегда искал и ставил превыше всего», – пишет Рушди о своем родном городе [1. С. 232]. Мариам Салганик, критик и индолог, отмечает, что именно благодаря Рушди индийский английский вошел в мир высокой литературы, причем не только на субконтиненте, но и во всем мире [2]. В возрасте 14 лет он покидает Индию и отправляется на учебу в Британию, где заканчивает Кембридж по исторической специальности. После учебы он писал для газет, работал в рекламном агентстве, пробовал себя в театре – все без особого успеха. Дебютный роман Рушди «Гримус»

(1974) совершенно не предвещал будущего литературного успеха: ни публика, ни критики особого внимания на книгу не обратили.

На момент написания романа «Дети полуночи» Салман Рушди находился в неоднозначной ситуации. Молодой человек оказался в чужой для него стране, у него возникают проблемы с реализацией творческого потенциала. Ко всему этому прибавляются трудности дома – раздел между Индией и Пакистаном разделил и семью Рушди. Это пограничное и кризисное состояние можно описать с помощью понятия «маргинальность», введенного в научный оборот американским социологом Р.Э. Парком. Он пишет о том, что миграция приводит к тому, возникает новый тип личности, которому свойственна секуляризация отношений, которые прежде были сакральными [3. С. 170]. Для Парка маргинал – элемент положительный, конструктивный. Он становится «индивидом с более широким горизонтом, более утонченным интеллектом, более независимыми и рациональными взглядами. Маргинальный человек всегда более цивилизованное существо» [4]. Идеи Парка развивал Эверетт Стоунквист, который называл маргинального человека ключевой личностью (key-personality) в контактах культур. Именно маргинальная среда становится зоной, где комбинируются и объединяются особенности обеих культур. И в центре этого переплетения – маргинальный человек, борющийся за то, чтобы быть лидирующей личностью «между двух огней» [4].

Однако и Парк, и Стоунквист отмечают кризисность такого положения: ощущение «неприспущенной стены», неприспособленности, неудачливости, беспокойство, тревожность, внутреннее напряжение, сомнения в своей личной ценности, эгоцентричность, честолюбие и агрессивность,

боязнь быть отвергнутым, склонность избегать неопределенных ситуаций, чтобы не рисковать унижением [4]. Это состояние, конечно, знакомо Рушди. Вот что он пишет в эссе «О писательстве и нации» в 1997 г.: «Подобная неукорененность – огромная утрата, огромная мука. Но и приобретение» [5. С. 85].

Наше представление о прошлом формирует понимание нашего места в мире и среди других людей, особенно актуализируется проблема памяти, когда человек находится в состоянии кризиса, когда он не чувствует укорененности в обществе и его традициях, не чувствует единого с ним прошлого. Как пишет Кознова, дискурс памяти возникает, когда общество в «свое» время переживает состояние «разрыва» с прошлым [6. С. 24]. Борис Аверин в лекции «Память как собирание личности» говорит о важнейшей роли памяти как о важнейшем акте самопознания. «Я-настоящий» и «Я-прошлый» – совсем разные люди, а для того, чтобы этот разрыв преодолеть, необходимо произвести акт аристотелевского «припоминания» [7], создать «актуализированную память», которая включает не только пережитый опыт человека, но выходит за границы личности: вспомнить нужно и подсознательное, миф, архетип, который лежит в основе [8]. О распадающейся личности нам говорит образ рассказчика в романе «Дети полуночи»: «Пожалуйста, поверьте: я разваливаюсь на части. Я просто хочу сказать, что начинаю растрескиваться вдоль и поперек, будто старый кувшин... Я только хочу, чтобы вы приняли тот факт (я его уже принял), что в итоге я раскрошусь на (примерно) шестьсот тридцать миллионов частичек безымянной и, безусловно, беспмятной пыли. Вот почему я решил довериться бумаге до того, как все позабуду. (Мы – нация забывающих)» [9].

Почему мы говорим о романе «Дети полуночи» в связи с понятием памяти? Во-первых, в этой книге действительно много автобиографичного. Семейная история, детство главного героя, во многом повторяющее судьбу Рушди, – все это выписано с любовью и тонкостью. Во-вторых, это история. Автор вписывает себя в историю Индии, пусть фантастическим образом, но он привязывается к ней как к огромному многоликому спасательному кругу, заставляя принять себя как неотъемлемую ее часть. В романе много фантастического – дети полуночи, обладающие необыкновенными способностями, женщина, белеющая от межкультурных контактов – образы, связывающие Рушди не только с историей Индии, но и с ее бесконечной мифологией. Рушди вписывает себя в этот мир, но и мир делает частью себя, присваива-

ет. «Дети полуночи» – мощное многоплановое повествование, охватывающее несколько десятилетий истории Индии и Пакистана, выписанных с завидной для беллетристики точностью. В центре находится временная точка – полночь 15 августа 1947-го, миг, когда Индия получила независимость. Для Салмана Рушди этот момент становится сакральным, наделенным магической силой. В первый час существования независимой Индии родился 1000 и 1 младенец, каждый из которых обладал волшебной силой, причем чем ближе миг рождения был к полуночи, тем мощнее была эта необычайная сила.

Для Индии День независимости – особая точка, это то, что Пьер Нора называет «местом памяти». Для него проблематика мест памяти является свидетельством того, что память уходит, уступает место истории, потому что «здоровой», целостной исторической памяти не требуются особые места. «Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит – нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи...» [10. С. 25]. Пьер Нора сравнивает места памяти с бастионами, в которых остатки памяти сохраняются от того, чтобы быть полностью вытесненными историей. Как я уже писал, ощущение потери связи с прошлым свойственно и лично Рушди. Как мне кажется, полночь 15 августа 1947 г. становится местом памяти не только для народов Субконтинента, но и лично для Рушди. Это та точка, вокруг которой он выстраивает процесс припоминания. Полночь имеет для него сакральное значение, в ней собирается прошлое, через нее автор закидывает крючки в будущее.

Но *полночь* Рушди нельзя назвать местом памяти в том значении, которое придает ему Пьер Нора. Нора считает, что время памяти окончательно ушло в прошлое, а места памяти – это попытка уже истории рефлексировать по этому поводу [10. С. 25]. То есть место памяти – это искусственное построение, собственно к памяти имеющее опосредованное отношение. Рушди делает, казалось, невозможное – он собирает в одном тексте и историю, и память. «...Именно в тот момент, когда Индия обрела независимость, я кувыркнулся в этот мир... сей злополучный, полуночный миг, – беруши под козырек часы, их скрытая тирания, наручниками приковали меня к истории, и моя судьба неразрывно сплелась с судьбой моей страны» [9].

В качестве примера приведу абзац из романа, в котором сплетение памяти и истории прослеживается наиболее ярко: «Чудище (толпа людей. – *Р.Г.*)

на улицах взвыло, а в Дели натянутый как струна человек продолжает свою речь: «...С последним ударом полуночи, когда весь мир спит, Индия пробуждается к жизни и свободе... – Сквозь завывания стоглавого чудища слышатся два новых вопля, крика, рева: плач детишек, пришедших в мир, их тщетный протест, смешавшийся с грохотом независимости, что развесила шафран и зелень по ночным небесам. – Настала минута, редкая в истории, когда совершается шаг от старого к новому; когда душа целого народа, так долго угнетаемого, находит, наконец, выражение...», – а в комнате, где пол застлан шафранно-зеленым ковром, Ахмед Синай стоит, держа на весу стул; в этот момент входит доктор Нарликар и сообщает ему: «С последним ударом полуночи, братец Синай, твоя бегам сахиба родила крупного, здорового малыша: сына!» [9]. Вехи памяти здесь накладываются на историю, причем происходит это одномоментно, параллельно: мы как будто бы слышим слова из знаменитой речи Джавахарлала Неру (его слова указаны курсивом) и пробивающийся сквозь них крик младенцев.

С точки зрения сочетания памяти и истории интересно описание «бойни на Джаллианвалабагх», которое дает Салман Рушди в романе «Дети полуночи». Расстрел демонстрации мирных жителей колониальными войсками Британской империи в Амритсаре 13 апреля 1919 года – событие, оказавшее большое влияние на развитие национально-освободительного движения в Индии.

«Кто-то произносит зажигательную речь. Торговцы снуют в толпе, предлагая чанну и сладости. Над полем столбом вьется пыль. Нигде, насколько может видеть мой дед, вроде бы нету ни головорезов, ни смутьянов. Несколько сикхов расстелили скатерть на земле, расселись в кружок и принялись за еду. По-прежнему воняет навозом. Азиз проникает в самую гущу толпы, когда бригадир Р. Е. Дайер во главе пятидесяти отборных солдат приближается ко входу в проулок. Он – военный комендант Амритсара, важная персона, куда там: кончики его нафабранных усов топорщатся от важности. Когда пятьдесят один человек строевым шагом проходят проулок, в носу у моего деда уже не просто чешется, а невыносимо свербит. Пятьдесят один человек входят на пустырь и занимают позицию: двадцать пять человек справа от Дайера и двадцать пять – слева; Адам Азиз перестает замечать что-либо вокруг, ибо в носу свербит уже сверх всякой меры. Когда бригадир Дайер приносит команду, на деда нападает неудержимый чих. «А-апчхи!» – бухает он, как из пушки, и валится вперед, теряя равновесие, увлекаемый вниз

собственным носом, и тем самым спасает себе жизнь (...) Раздается сухая дробь (...) Они выпустили в общей сложности тысячу шестьсот пятьдесят патронов в безоружную толпу. Из них тысяча шестьсот шестнадцать попали в цель, кого-то убив или ранив. «Хорошая стрельба, – похвалил Дайер своих людей. – Славно поработали» [9].

Чтобы выпукло увидеть особенности передачи этого сюжета в романе Рушди, я приведу отрывок из книги «Сын Индии» Ходжи Ахмада Аббаса (1914–1987), индийского писателя, режиссера, участника национально-освободительного движения. Это произведение, как и «Дети полуночи», художественное, но описание расстрела демонстрации в Амритсаре очень отличается от того, которое мы видим у Рушди.

«В главные ворота парка вошел отряд солдат, англичан и гуркхов, всего человек тридцать или сорок, вооруженных винтовками... Краснолицый генерал крикнул что-то гуркхам, и они вскинули винтовки. Раздалась команда: "Огонь!" – и гуркхи дали залп. Но Анвар заметил, что, перед тем как выстрелить, они чуть-чуть подняли дула винтовок. Пули ни в кого не попали, и кто-то крикнул: "Не бойтесь, они стреляют холостыми патронами!" Многие после этого успокоились, кое-кто даже оглянулся на солдат. Краснолицый англичанин был в бешенстве. Размахивая револьвером, он орал на ломаном хиндустани: "Сыновья свиньи, ублюдки, поверх голов стреляете! Цельте ниже, не то мы вас самих пристрелим!" При этих словах все английские офицеры выхватили револьверы и поставили их на гуркхов. "Огонь!" – крикнул краснолицый. Теперь винтовки гуркхов смотрели прямо в толпу. (...)

– Эй, генерал-сахиб! – ...крикнул Аджит Сингх, не обращая внимания на свинцовых посланцев смерти. – Я сражался за вас на войне. Я спас жизнь английскому офицеру. Если не верите мне, посмотрите на мои медали. Но это не война. Нельзя убивать безоружных людей. Этак вам придется убить двадцать тысяч. Мы даже в немцев не стреляли, когда они были без оружия.

Мертвые и раненые лежали кругом, как сжатая пшеница в поле. Маленький ребенок будил мать, уснувшую вечным сном; неподалеку от нее недвижно раскинулся мальчик – ровесник Анвара» [11].

И Рушди, и Аббас описывают событие исторически точно, но при этом очень по-разному. Аббас акцентирует внимание на тех фактах, которые ценны с точки зрения противостояния колонизаторов и народа Индии: солдаты-гуркхи, которые не хотят стрелять по «своим», героический образ

Аджита Сингха, смотрящего в лицо смерти, подробное описание бойни. У Рушди повествование сфокусировано на главном герое, окружающая панорама дана менее эмоционально и подробно, он не описывает расстрел, а просто констатирует факт: выпущено тысяча шестьсот пятьдесят патронов, из них тысяча шестьсот шестнадцать попали в цель.

Для Аббаса, непосредственного участника национально-освободительного движения, расстрел мирной демонстрации в Амритсаре – событие сакральное, автор привязан к нему эмоционально, он очень субъективен; для него это факт памяти. Взгляд Рушди имеет черты исследовательской отстраненности, несмотря на то, что его оценка событий по смыслу не отличается от оценки Аббаса; для Рушди это событие печально, но не священо. Если в романе Аббаса жизнь и действия вымышленных персонажей «помогают» показать картину эпохи такой, какой ее видит автор, то у Рушди персонажи не совсем вымышленные, главные герои имеют прототипы – реальных членов его семьи, а история – та рамка, призма, с помощью которой он совершает акт припоминания.

«Все важное в нашей жизни происходит большей частью без нас, но я, кажется, как-то исхитрился найти способ заполнить пробелы в своем знании, и потому все хранится в моей голове, все, до малейшей детали... все-все, а не только некие ключи к прошлому, на которые натыкаешься, открыв, например, старый жестяной сундук» [9], – пишет Рушди. Если мы скажем, что автор убежден в том, что все описанное в книге происходило на самом деле, мы будем, очевидно, неправы. Но тот факт, что история «Детей полуночи» стала неотъемлемой частью самосознания Рушди, трудно отрицать. В пользу этого утверждения говорит следующий казус.

В 2000 г. Салман Рушди приезжал в Индию с сыном Зафаром. Проезжая по старому району Мумбаи, он говорит: «Смотри, это вот здесь, в старой крепости Пурана-Кила, построенной на месте легендарного города Индрапрашта, Ахмед Синай оставил бумажный пакет с деньгами для шантажистов. Смотри, вон обезьяны, которые стащили пакет и разбросали деньги» [1. С. 244]. Он ссылается на историю из романа «Дети полуночи». Отец главного героя Ахмед Синай приготовил деньги для индусской банды «Равана», которая жгла склады и фабрики мусульманских бизнесменов, если те вовремя не откупились. Деньги нужно было оставить в старом форте времен Моголов, в котором сейчас живут одни лишь обезьяны. В эту реалистичную историю Рушди искусно

вплетает нити мифа: «Придет день, и не будет больше Старого форта, лишь куча мусора, а на ней – обезьяны, криками празднующие победу... и есть среди них одна, крадущаяся вдоль вала – пусть это будет Хануман, предводитель обезьяньего войска, который помог царевичу Раме одолеть настоящего Равану; Хануман бросается к нише, на самую верхнюю площадку, где трое мужчин оставили три мягких серых чужеродных предмета... обезьяний царь Хануман исполняет пляску гнева. Набрасывается на серые штуковины... Глядите, как ловко извлекает он бумажные потроха из этих серых предметов: пусть себе сыплются дождем на камни, уже поверженные в ров!.. Бумажки летят не спеша, с ленивой грацией, и погружаются, как дивные воспоминания, в лоно тьмы» [9]. У Рушди город, в котором он провел свои детские годы, ассоциируется именно с миром, который он вообразил, но сделал это так ярко, что история «Детей полуночи», в какой-то мере, становится памятью Салмана Рушди. «Я рассказал вам правду, – пишет он в романе. – Правду памяти, ибо память – особая вещь. Она избирает, исключает, изменяет, преувеличивает, преуменьшает, восхваляет, а также принижает; в конце концов, создает свою собственную реальность, разноречивую, но обычно связную версию событий; и ни один человек в здравом уме не доверяет чужой версии больше, чем своей» [9].

До этого мы говорили о памяти как о некоей единой категории, что, по сути, не совсем верно. И.Е. Кознова обращает внимание на различия в памяти архаических (преимущественно устных) культур и современного письменного общества. Архаическая память, прежде всего, коллективна, здесь действует круговое время, она спонтанна. Прошлое неизменно и священо. Современная память в большей степени субъективна, намеренна и специально организована, время здесь уже линейно. Обе памяти несут печать мифологизации и «многослойности», возможных напластований памяти [6. С. 27–28].

Конечно, Салман Рушди является носителем современной памяти, но в романе «Дети полуночи» он делает попытку показать и особенности памяти архаической. Она персонифицируется в образе лодочника Таи, возраста которого никто не помнит, даже он сам. Таи видел, как рождались горы, помнит Искандера Великого и Ису: «...Я видел того Ису, того Христа, когда он приходил в Кашмир... видел бы ты того Ису, когда он пришел, борода до самой мошонки, а сам лысый, как яйцо. Стар был, измотан, а о вежестве не забывал. “После вас, Тайджи, – говаривал бывало, или: – Присаживайтесь, пожалуйста”, и речь такая поч-

тительная, ни разу дурнем не назвал, даже на «ты» не обратился. Воспитанный, ясно? А ел-то как! Такой голодный, что я только диву давался» [9]. Для архаической памяти легенда о том, что под вознесением Христа подразумевалось его «восхождение» на вершины Гималаев, вовсе не легенда, это часть памяти, причем не памяти искусственной, а живой и яркой.

Для сознания маргинала представление о своем прошлом кризисно: в противоречия вступают культуры, на границе которых он находится. И одним из способов преодоления кризиса является «прописывание» своего прошлого, процесс припоминания, который Салман Рушди осуществил в своем романе «Дети полуночи». Современная память отличается от памяти архаической и несет в себе черты истории: исследовательская отстраненность, рационализм и способность к рефлексии. Текст Рушди уникален тем, что в нем граница, которой Пьер Нора отделил память от истории, преодолена. Эти два варианта прочтения прошлого не вступают в противоречие, а создают яркий текст.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Рушди С. Когда тебе снится, что ты вернулся // Шаг за черту: [сборник эссе]. СПб.: Амфора, 2010. С. 232–270.
2. Салганик М. О благотворности сомнений. Салман Рушди «Стыд» и другие романы [Электронный ресурс] – URL: [http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/49545/18/Rushdi\\_-\\_Styd.html](http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/49545/18/Rushdi_-_Styd.html) (Дата обращения: 8.05.2012).
3. Парк Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек [Электронный ресурс] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 1998. №3. С. 167–176. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «elibrary.ru»
4. Маргинальность в современной России. [Электронный ресурс] Коллективная монография. Серия «Научные доклады», № 121. М., 2000. – URL: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Sociolog/Margin/\\_Index.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Margin/_Index.php)
5. Рушди С. Заметки о писательстве и нации // Шаг за черту: [сборник эссе]. СПб.: Амфора, 2010. С. 81–85.
6. Кознова И.Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. №2. С. 23–34.
7. Аристотель. О памяти и припоминании [Электронный ресурс] – URL: <http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/Aristotlede%20memoria.pdf> (Дата обращения: 8.05.2012).
8. Аверин Б.В. Память как собирание личности // ACADEMIA [Видеозапись]: телевизионная программа / Телеканал «Культура». СПб., эфир от 12.04.2012.
9. Рушди С. Дети полуночи. [Электронный ресурс] – URL: <http://lib.rus.ec/b/99037/tead> Дата обращения: 22.05.2012
10. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 1999. С. 17–50.
11. Попов Н.В. Новейшая история в художественно-исторических образах. 1917–1945: Хрестоматия. Пособие для учителей. [Электронный ресурс] – URL: <http://ist-obr.ru/books/item/f00/s00/z00000004/index.shtml> Дата обращения: 2.06.2012.